

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1741 года: ПРИЧИНЫ, "ТЕХНОЛОГИЯ", УРОКИ

Еще в начале XX в крупнейший русский специалист в области истории нового времени Н. И. Кареев подчеркивал, что практика дворцовых переворотов была незнакома европейским абсолютным монархиям XVII-XVIII вв. В историографии отечественной истории специфика этого феномена также осознавалась - не случайно В. О. Ключевский счел необходимым выделить "эпоху дворцовых переворотов", отличающуюся "некоторыми новыми явлениями в нашей государственной жизни"¹.

Наметившаяся в работах учеников В. О. Ключевского (П. Н. Милюкова, М. М. Богословского) линия на пристальное изучение социально-политической истории XVIII в была прервана грянувшей в 1917 г социальной революцией. В науке утвердилась известная формула В. И. Ленина "Перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой"². Произнесенная в 1919 г на II съезде профсоюзов фраза означала лишь, что перипетии борьбы за власть между группировками навсегда свергнутого класса не имели никакого значения и тем более не заслуживали рассмотрения.

Между тем научная постановка проблемы предполагала обращение к уже накопленному опыту. Версия В. О. Ключевского о социальной обусловленности событий 1725-1762 гг. нашла свое продолжение в монографии Я. Я. Зутиса, увидевшего в дворцовых переворотах проявление "непримиримых политических противоречий в рядах господствующего класса" и реакцию части его на утверждение абсолютной монархии в России. Наиболее последовательно и четко данную концепцию переворотов изложил С. М. Троицкий, по мнению которого их "истинные причины таились в обострении внутрикласовых противоречий среди господствующего класса феодалов, что было связано с консолидацией его в единое привилегированное сословие и обострением антифеодальной борьбы трудящихся масс"³. Однако поставленная С. М. Троицким задача монографического изучения проблемы стала решаться лишь в последние десятилетия в работах Н. Я. Эйдельмана, Е. В. Анисимова, Я. А. Гордина, задавшихся целью разобраться в особенностях политического строя и политической культуры послепетровской России.

Важность изучения традиций политической культуры России определяется прежде всего исторически сложившейся особой ролью и самостоятельностью верховной власти в России - тем, что А. С. Пушкин называл "необъятной силой правительства", т. е. необычным для Западной Европы давлением государства на все сферы общественной жизни, которое при всех политических режимах в значительной степени проявляется и поныне. При этом характерно, что термин "дворцовый переворот", отсутствует в языке современной западной политологии, а традиционное понятие "coup d'etat" ("государственный переворот") используется по отношению к политическим системам XIX-XX вв. и не включает российскую практику XVIII столетия. В отечественной политологической литературе нет единой точки зрения силовые методы борьбы за власть то вообще считаются не свойственными российской политической традиции, то указывается на наличие "дворцовых" и "государственных" переворотов в советское время⁴. Проблема порой толкуется весьма упрощенно "Гвардия начала диктовать свои условия (кондиции), которые вынуждены принимать монархи"⁵, некоторые же участники политических дискуссий полагают, например, что "участие армии, использование ее военной силы в политической жизни общества - это давняя историческая традиция" (не замечая при этом разницы между армией и гвардией)⁶.

Автору этих строк уже приходилось высказываться о причинах и механизме российского "переворота"⁷. Данная же статья посвящается одному из наиболее ярких событий в цепи

"дворских бурь" - перевороту 1741 г., который в историографии рассматривался как важный рубеж во внутренней и внешней политике, а также в процессе развития общественного сознания.

В начале XIX в., как только ученые получили некоторую возможность высказываться по проблеме переворотов, приход к власти императрицы Елизаветы объяснялся "приверженностью" россиян к дочери Петра Великого. При этом авторы не настаивали на особом, "патриотическом" характере политической борьбы⁸. Затем Н. А. Полевой сформулировал тезис о свержении в 1741 г. "партии немцев", а С. М. Соловьев определил это событие как "народное движение, направленное против преобладания иноземцев". С тех пор оценка переворота как выступления против "немецкой клики" прочно утвердилась в историографии, в том числе и в работах последних лет⁹. Но еще И. Д. Беляев сомневался в том, что "вражда русских к немцам" была главной пружиной дворцовых переворотов, а В. О. Михневич полагал преувеличенной роль в них "общественного мнения"¹⁰.

По-разному оценивались движущие силы и итоги переворота. С. М. Соловьев полагал, что его совершили "лучшие люди, которым были дороги интересы страны и народа", а в результате произошло "возвращение к правилам Петра Великого". В. О. Ключевский, напротив, видел в царствовании Елизаветы "крутой поворот от реформы Петра I" и отказывал гвардии в самостоятельной политической роли: она восстанавливала привычную власть путем утверждения на троне лица, "которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти". Еще более резко - как "естественное продолжение бироновщины" - определял время Елизаветы Я. Я. Зутис. Е. В. Анисимов убедительно показал, что попытка реставрации петровской концепции служения "общему благу" оказалась нереальной вследствие усиления социально-экономических позиций дворянства. Он же указал на такую особенность переворота 1741 г., как самостоятельное его осуществление гвардейскими низами, "солдатством", обратил внимание на подчеркнuto патриотический его характер, что, по мнению автора, свидетельствует о "высоком уровне общественного сознания если не всего русского общества, то, по крайней мере, его широких столичных кругов". Я. А. Гордин даже полагает, что в 1741 г. гвардия стала своеобразным российским "парламентом", т. е. заняла место, "которое осталось вакантным после упразднения земских соборов и любого рода представительных учреждений, так или иначе ограничивающих самодержавный произвол". Ю. Н. Смирнов, напротив, считает, что гвардейские выступления того времени вызваны прежде всего "преторианскими настроениями"; при этом гвардейцы никогда не были единой силой и использовались в качестве орудия придворными группировками. А. Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина указывают на традиционный характер этого переворота, в котором "активное участие приняли представители знати и высшей бюрократии"¹¹.

В данной статье на основании как известных, так и впервые вводимых в научный оборот документов РГВИА и РГАДА автор ставит цель вновь рассмотреть (и частично пересмотреть) сложившиеся в литературе представления о причинах, обстоятельствах и последствиях дворцового переворота 1741 г., его движущих силах и - насколько это возможно - об окружающей его "атмосфере".

Существовала ли "партия Елизаветы"? Со времени С. М. Соловьева вплоть до работ последних лет приход к власти Елизаветы Петровны принято рассматривать как следствие хорошо законспирированного заговора, в котором участвовали гвардейские офицеры. Даже Е. В. Анисимов допускает существование особой "группировки Елизаветы" с возможным участием известных государственных деятелей и генералов¹². В представлениях современников и потомков заговор был связан с фигурой французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди, инструкции которому предусматривали возможность осуществления "внутреннего переворота" в России старинными русскими фамилиями, "недовольными иноземным игом". О ситуации в правящем кругу речь идет ниже, пока же стоит отметить, что французская дипломатия исходила из признания "переворотной" ситуации как *нормы* российской политики.

Вскоре после ареста регента Бирона, в начале декабря 1740 г. посол союзной французам Швеции Э. Нолькен информировал Шетарди о наличии у принцессы своей "партии", в которую якобы входили обер-прокурор Сената И. И. Бахметев, генерал-майор Г. А. Урусов, обер-комендант столицы С. Л. Игнатъев. При личных встречах с послом в начале января 1741 г. цесаревна заявила о готовности ее "партии" к немедленному выступлению, "как только придут иностранцы с явным намерением поддержать права потомства Петра I". "Вождем" своей "партии" Елизавета назвала шефа Тайной канцелярии гвардейского подпол-

ковника А. И. Ушакова, канцлера А. М. Черкасского, а исполнителями - всех офицеров гвардии русского происхождения при поддержке их действий полками петербургского гарнизона¹³. Позднее в числе своих сторонников Елизавета указала князей Трубецких (генерал-фельдмаршала и генерал-прокурора Сената) и принца Людвига Гессен Гомбургского - еще одного гвардейского подполковника. Таким образом, судя по донесениям Шетарди, в конце 1740 - начале 1741 г. вокруг Елизаветы образовалась партия, и посол обратился к начальству за санкцией на свое участие в ней. Насколько же описанный выше *заговор* Елизаветы связан с произошедшим *переворотом*?

В апреле 1741 г. английский посол Э. Финч по поручению своего правительства конфиденциально известил кабинет министра А. И. Остермана и мужа правительницы Анны принца Антона Брауншвейг-Люнебургского: из полученных в Стокгольме докладов Нолькена следует, будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княгини Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведами, едва они перейдут границу¹⁴, в числе участников заговора были названы Шетарди и врач Елизаветы А. Лесток. Но за столь важной информацией не последовало никаких мер предосторожности: сохранившиеся материалы Кабинета и Тайной канцелярии не содержат распоряжений о следствии или арестах по этому делу. Черкасского в августе 1741 г. хватил удар, а Ушаков демонстративно уклонился от контактов с Шетарди, чем вызвал немалое беспокойство посла. О каких-либо действиях Трубецких и принца Гессен Гомбургского в пользу Елизаветы также ничего не известно. Все названные лица сохранили свое положение и с воцарением Елизаветы, но ни один из них не принимал непосредственного участия в перевороте. Да и сама цесаревна не скрывала от послов, что у нее отсутствует организованная поддержка. "Здесь <... > слишком велико недоверие между отдельными лицами, чтобы можно было заранее привести их к соглашению: главное состоит в том, чтобы заручиться их сочувствием отдельно, а как скоро начал бы действовать один, все двинулось бы как снежная лавина, всякий с удовольствием бы присоединился к движению, считая, что он равным образом разделит и славу успеха, *в худшем же случае она принцесса предложит себя в предводители гвардии*"¹⁵.

Елизавете нельзя отказать в понимании трудности стоявшей перед ней задачи: в условиях постоянной борьбы в правящих кругах создать сплоченную опору среди высших сановников едва ли было возможно. Однако кандидатура на трон предполагала обращение к гвардии только в худшем случае. Вероятно, расчет Елизаветы строился на затрагивавшемся в беседах с Шетарди предположении о возможной смерти царя-младенца. В такой ситуации, при отсутствии другого законного наследника, Анна Леопольдовна лишалась бы всяких оснований претендовать на регентство, а Елизавета как дочь царствовавшего императора обрела бы бесспорные права на престол. Выступление нескольких высших должностных лиц вполне могло предоставить дочери Петра корону без какого-либо насилия.

Но расчет на близкую смерть императора не оправдался, и Нолькен с Шетарди подталкивали принцессу к действиям: в случае предполагаемого шведского вторжения (война действительно началась 8/19 августа 1741 г., но была крайне неудачна для Швеции, так как уже через две недели ее войска были разбиты). Шетарди подробно освещал в своих донесениях, как от нее пытались добиться согласия на ревизию условий Ништадтского мира, но о конкретной подготовке переворота, о деталях и исполнителях замысла посол ничего сообщить не мог, кроме упоминания о каких-то готовых к действию гвардейских офицерах. Известный же рассказ Шетарди от 9 (20) июня о том, как цесаревна в Летнем саду уговаривала гвардейских офицеров отложить преждевременное выступление, имеется только в публикации П. П. Пекарского — в тексте депеши по изданию РИО его нет*.

По-видимому, сведения Елизаветы о влиянии ее партии стали вызывать сомнения у дипломатов. На последней перед отъездом встрече с принцессой Нолькен пытался уточнить число ее сторонников в гвардии (как выяснилось, речь шла не обо всех, а только о 54 офицерах) и их готовность к борьбе. Елизавета ограничилась тем, что обещала действовать со своей партией мужественно. В августе она передала Шетарди, что раздала своим сторонникам 2000 руб., в сентябре придворный музыкант принцессы саксонец Христофор

* Это обстоятельство позволяет сомневаться в достоверности публикации депеши Шетарди в издании П. П. Пекарского (Маркиз де ла Шетарди в России 1740-1742 гг. СПб 1862) она осуществлялась как указал сам автор, не по подлинным дипломатическим документам, а по копиям, сделанным А. И. Тургеневым.

Шварц сообщал послу о раздаче по 5 руб. каждому отправленному на войну со Швецией солдату гвардейского отряда, в связи с чем и занял у Шетарди 2000 червонных.

Между тем о действиях сторонников Елизаветы Шетарди вплоть до самого переворота не смог сообщить в Париж ничего обнадеживающего. Можно бы предположить, что инициаторы заговора умело скрывали свои планы. Однако тогда трудно объяснить факт, о котором французский посол сообщал 15 (26) октября 1741 г.: явившийся к нему в полночь камергер Елизаветы объявил, что, по сведениям принцессы, царь умер, и спросил, что следует делать¹⁶. И это при наличии якобы широкого круга заговорщиков-офицеров во главе с опытными генералами и при поддержке первых лиц государства!

Неподготовленность Елизаветы и полная неопределенность сведений о составе заговорщиков позволяют заключить, что заговора с участием вельмож и офицеров не было, как не было и четкого плана действий. Все сведения о нем содержатся лишь в донесениях Шетарди и Нолькена, которые получали их только от самой Елизаветы, Лестока и Шварца, не имея возможности проверить. Напомним, что предупреждение Финча о заговоре также основано на полученных английскими дипломатами в Швеции данных из донесений того же Нолькена. Неудивительно и отсутствие каких-либо репрессий со стороны правительства: и после сообщения Финча, и после письма графа Линара в августе 1741 г., предупреждавшего правительницу о "мятежных замыслах" иностранного министра, разговоры принцессы и ее агентов с французским послом беспокоили Остермана, но реальной опасности не представляли. Сохранившиеся материалы следствия по делу свергнутого правительства Анны Леопольдовны не содержат указаний на то, чтобы слежка за домом Елизаветы хотя и продолжалась с января до осени 1741 г., дала какие-то основания для подозрений.

Тем не менее дворцовый переворот все же произошел - с триумфальным успехом и без какого-либо сопротивления. Каковы же были его пружины, если версия о заговоре выглядит не вполне убедительной? Серьезных аргументов в пользу всеобщих патриотических симпатий к Елизавете нет. Приведенные у С. М. Соловьева и Е. В. Анисимова факты такого рода относятся к гвардии, так же как свидетельства Миниха-отца и Манштейна, и в значительной своей части извлечены из тех же донесений иностранных дипломатов. Что же касается якобы безоговорочного признания прав на престол за Елизаветой, то едва ли общественное мнение было однозначным. Наряду с проелизаветинскими высказываниями до нас дошли и противоположные - о незаконном рождении цесаревны и ее недостойности¹⁷. В материалах Тайной канцелярии периода регентства Анны нет дел, связанных с высказываниями о правах Елизаветы на престол.

Несостоявшаяся императрица. Несомненно, что фактором, максимально способствовавшим новому перевороту, стала деградация самого брауншвейгского режима. Вообще Анна Леопольдовна правила на редкость милостиво: разрешила строить каменные здания по всей империи, отменила взыскание недоимок и проведенную было в 1740 г. фактическую секуляризацию церковных вотчин. Акты ее правления содержат огромное количество всевозможных пожалований. Тем не менее никакого существенного обновления в правящем кругу не последовало. На своем посту остались клеветы Бирона - Преображенский майор И. Альбрехт и обер-гофкомиссар Исаак Либман, а доносивший на секретаря Анны М. Семенова камергер А. М. Пушкин был назначен в Сенат. Других выдвиженцев Бирона сначала даже повышали чином, хотя в дальнейшем это не мешало снятию их с должности (как, например, президента Академии наук К. Бреверна или обер-прокурора Сената И. И. Бахметева).

Начавшиеся было по предложенной Остерманом программе преобразования (составление налоговых ведомостей, пересмотр штатов учреждений) замерли без энергичного побуждения до конца правления Ивана Антоновича более или менее энергично продолжался только целенаправленный пересмотр дел по Тайной канцелярии Раздачи чинов и должностей не обеспечили Анне Леопольдовне надежной опоры Новые командиры гвардейских полков - Л. Гессен-Гомбургский, Ю. Ливен, П. Черкасский, П. Воейков - в ноябре 1741 г не выступили в защиту правительницы, а ревностно выполняли все приказы Елизаветы. Сами назначения были не всегда продуманными и порой вызывали у чиновников раздражение Так, в сентябре 1741 г определенные в Сенат АМ Пушкин, Я. П. Шаховской, П. С. Салтыков, А. Д. Голицын выражали недовольство новыми обязанностями и тем, что с ними не советовались перед назначением¹⁸ (кстати, сама Анна Леопольдовна, в отличие от Бирона в период его регентства, ни разу не удосужилась посетить Сенат).

Военные чины бригадира и полковника правительница жаловала далеким от походных

тягот камергерам и камер-юнкерам двора¹⁹. Наравне с безвинно пострадавшими награды получали любимая фрейлина Юлиана Менгден и ее родственники - им достались доходные посты и "мызы" в Прибалтике²⁰. Другим не давали ничего: без всякого ответа осталась поданная в августе 1741 г. челобитная о награждении "деревнями" явно не пользовавшегося доверием правительницы генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого. Вместе с боевыми офицерами чины и награды жаловались придворным кофешенкам и лакеям. А наказаний избегали не только невинно оговоренные, но и скупщики краденого, и пойманные на подлогах адмиралтейские чиновники. Окружавшие Анну Леопольдовну лица умело использовали массовые награждения для продвижения по службе "своих" людей (в чем признавался на следствии Миних). Произвольные повышения нарушали сложившиеся традиции чиновничества, после переворота 1741 г. одним из первых актов правительства Елизаветы стал указ о соблюдении порядка награждения чинами "по старшинству и заслугам"²¹.

Прусский посол А. Мардефельд в июле 1741 г. резюмировал плоды "милостивой" политики правительницы. "Нынешнее правительство самое мягкое из всех, бывших в этом государстве. Русские злоупотребляют этим. Они крадут и грабят со всех сторон и все-таки крайне недовольны, отчасти потому, что регентша не разговаривает с ними, а отчасти из-за того, что герцог Брауншвейгский следует слепо советам директора его канцелярии, некоего Грамотина, еще более корыстного, чем отвратительный Фенин, бывший секретарь Миниха"²². К этому можно добавить, что поток милостей едва ли ощущался на улице, несмотря на полицейские попытки регламентировать цены на продовольствие. Так же, как при Анне Иоанновне, полиция нещадно брала с обывателей штрафы за поломку свежесаженных "линейных берез", клеймила хомуты извозчиков с целью регистрации промысла и "с крайним прилежанием" ловила нищих. Однако личным распоряжением правительница освободила протестантские кирки и их служащих от тяжелой повинности мостить улицы.

Фаворитизм, отсутствие сколько-нибудь твердого курса внутренней и внешней политики приводили к расстройству работы и без того несовершенного государственного аппарата. Принятые решения не исполнялись (так, остались на бумаге "Регламент и работные регулы" для рабочих суконных фабрик - против них выступали фабриканты, недовольные ограничением своих прав) или сменялись противоположными. Анна Леопольдовна отменила намеченный Бироном рекрутский набор, но уже в декабре, а затем в январе и сентябре 1741 г. вышли указы о новых наборах. В нарушение положения о подушной подати с инородцев и чернососных крестьян сверх нее стали собирать хлеб на довольствие армии²³. Подготовленное Н. Ю. Трубецким назначение прокуроров было отменено по проискам Остермана, оправдывавшего этот шаг привычным бюрократическим аргументом от прокуроров в делах остановка". Несостоявшиеся прокуроры дружно били челом о скорейшем определении к делам, и правительнице в срочном порядке пришлось решать, куда назначить 36 оставшихся без жалованья чиновников, да так, чтобы новыми должностями не обидеть их перед "прочей братьей"²⁴.

"Все идут врозь", - характеризовал деятельность правительства в октябре 1741 г. Шетарди. Подобные же отзывы о русском дворе давал его коллега и соперник английский посол Финч. Вслед за новостью об отставке "героя" переворота 1740 г. Миниха дипломаты сообщали, что Анна Леопольдовна при поддержке вице-канцлера М. Г. Головкина выступает против принца Антона и руководившего его действиями Остермана. А Остерман и Антон, в свою очередь, стремились через венский двор повлиять на саксонского курфюрста, чтобы тот не присылал в Россию графа Линара - фаворита правительницы. Головкин создал в Кабинете противовес Остерману в лице осужденного вместе с Бироном, но возвращенного из ссылки А. П. Бестужева-Рюмина²⁵.

Раздоры внутри Кабинета отражались и на внешнеполитическом курсе в условиях начавшейся в декабре 1740 г. войны за "австрийское наследство". Если Миних отстаивал только что заключенный союз с Пруссией, то Остерман и принц Антон предпочитали поддерживать старого союзника, т. е. Австрию. Тем временем английское правительство, полагая, что внутренняя нестабильность режима позволяет ему считать себя свободным от условий только что заключенного союзного договора с Россией (апрель 1741 г.), отказалось не только послать в помощь России свой флот на Балтику, но и уплатить ей обещанную денежную субсидию. Несмотря на унижение со стороны "союзника", договор правительница все же ратифицировала

Обостряло ситуацию и желание Анны Леопольдовны издать новый акт о престолонаследии. Действительному статскому советнику И. Н. Тимирязеву она приказала подготовить два манифеста. "Один в такой силе, что буде волей Божиею государя не станет и

братьев после него наследников не будет, то быть принцессам по старшинству; в другом напиши, что ежели таким же образом государя не станет, чтоб наследницею быть мне"²⁶. Оба проекта манифеста были написаны и дошли до нас; окончательная редакция этих документов принадлежит М. Г. Головкину²⁷. 1 ноября 1741 г. был подготовлен и проект секретного указа Кабинету, предлагавший выработать условия, каким образом новый порядок престолонаследия "в действо произвести": передать престол сразу матери или же сначала дочерям²⁸.

Сохранился и перевод составленного Остерманом протокола совещания по этому вопросу с М. Г. Головкиным, архиепископом Амвросием и А. М. Черкасским, состоявшегося 3-4 ноября 1741 г. Присутствовавшие согласились распространить право наследования на сестру императора, но вопрос о воцарении матери остался открытым²⁹. Мардефельд и Манштейн после вступления на престол Елизаветы отмечали, что ее соперница собиралась объявить себя императрицей ко дню своего рождения, 7 декабря 1741 г. П. В. Долгоруков столь же определенно отмечал, что был подготовлен специальный манифест о коронации Анны Леопольдовны 6 декабря 1741 г.³⁰ Однако в числе дошедших до нас документов последних дней правления Ивана Антоновича подобного акта не обнаружено. По-видимому, окончательное решение так и не было принято за три недели, оставшиеся до нового переворота.

Толки об изменении порядка престолонаследия не могли не беспокоить Елизавету и ее сторонников: цесаревна опасалась перспективы воцарения соперницы с самого начала ее правления, тем более, что надежды на поддержку шведов рухнули: их армия была разбита 23 августа при Вильманстранде. Единственной надеждой для принцессы оставалась гвардия.

"Солдатский" заговор. Не возражая против мнения о популярности Елизаветы в гвардии, все же подчеркнем, что нет оснований полагать, будто утверждение у власти Анны Леопольдовны было встречено в полках с недовольством. Дела Тайной канцелярии не сохранили ни одного "антибрауншвейгского" выступления в офицерском корпусе, что особенно заметно по сравнению с "антибириновским" движением осенью 1740 г. Не встречается в первые месяцы правления Анны и случаев неуважительного о ней отзыва среди солдат. Правительница явно стремилась добиться расположения гвардии. Впервые нарушение присяги было оплачено: участники ареста Бирона получили следующие чины; бездействовавшие 52 караульных гренадера - по 6, а 177 мушкетеров - по 5 руб.³¹ Офицеров регулярно приглашали на куртаги; на придворных и полковых празднествах Дворцовая контора "траكتовала" солдат водкой и пивом; именно при Анне Леопольдовне гвардейцам стали выдавать по 10 руб. за несение ночных караулов во дворце. В апреле 1741 г. правительница распорядилась, чтобы работавшие на постройке казарм гвардейские солдаты получали оплату в размере 4 коп. в день³². Считал необходимым проявить заботу о гвардии и принц Антон: в апреле 1741 г. он распорядился сварить для солдат специального "витаминного" пива для предупреждения цинги.

Однако сохранившиеся книги приказов по полкам за 1740-1741 гг. показывают, что дисциплина в частях была не на высоте. По количеству взыскания намного превосходили поощрения. Несмотря на повторявшиеся из месяца в месяц указы о пресечении "своеволий" и "обид" и назначение обычного наказания - батога, гвардейцы являлись на службу "в немалой нечистоте", "безвестно отлучались" с караулов, играли в карты "на кабаках", "чинили обиды" полицейским постам и обывателям, устраивали на улицах драки и пальбу, воровали, многократно "впадали" во "французскую болезнь" и не желали от таковой "воздерживаться". Обыденной "продерзостью" стало пьянство, так что даже приходилось издавать специальные указы по полку, "чтоб не было пьяных в строю". Более серьезные проступки показывают, что гвардейцы образца 1741 г. чувствовали себя во дворце и в столице хозяевами положения: семеновцы и преображенцы не стеснялись воровать посуду из дома канцлера Черкасского и из самого дворца; Преображенский солдат И. Дыгин нанес оскорбление камер-юнкеру правительницы и офицеру конной гвардии Левенфельду, а гренадер Г. Наумов вломился в дом французского посла и требовал у иноземцев денег³³.

Навести дисциплину в гвардии попробовал сам генералиссимус, глава Военной коллегии и гвардейский подполковник принц Антон. В мае 1741 г. он повелел восстановить в полках особые гренадерские роты (созданы при Петре I, ликвидированы в 1731 г.), которые, по его замыслу, должны были стать образцовыми частями и примером для всей гвардии. Книга приказов по Преображенскому полку свидетельствует, что принц лично отбирал солдат и офицеров в новую гренадерскую роту. Ее командир под руководством самого принца сразу

же приступил к интенсивной муштре и "экзерцициям", а наиболее способных приказано было отправлять в другие роты для обучения солдат; с лета 1741 г. заметно увеличилось количество выговоров и наказаний гренадерам и другим солдатам-преображенцам³⁴.

Меры по укреплению дисциплины вместе с тяготами военного времени (запрет отпусков и командирование в августе сводного гвардейского отряда на фронт) явно не способствовали популярности брауншвейгского семейства. Начиная с августа 1741 г. в Тайной канцелярии вновь начинают рассматриваться дела о "непристойных словах" гвардейцев-солдат в адрес верховной власти. Рядовые Измайловского полка А. Псищев и Л. Сокольников на упреки капрала в неисправном несении службы заявили: "Тако ты черту присягал, а не государю!" Музыкант П. Муромцов был уверен, что "генерал-фелтмаршал фон Миних и другие генералы, и генерал фелтцейхмистер, да и третьей император дураки". А "гошпитальный надзиратель" М. Крюков выразился о властях предержавших еще более резко: "Только они Россию-ту нашу ядят"³⁵. Появление подобных разговоров показывает, что престиж власти к осени 1741 г. ощутимо упал.

Ситуация усугублялась тем, что новые правители явно не умели выбирать себе помощников и удерживать сторонников. Занявшие высокие посты рекетмейстер А. Фенин и секретарь принца Антона П. Грамотин оказались заурядными взяточниками, так же как и генерал-директор дворцовых волостей барон Г. фон Розен. С другой стороны, в отставку уходили те офицеры и чиновники, которые при Бироне шли на риск заговора ради брауншвейгского семейства (И. Орлов, И. Чирков, А. Яковлев, П. Ханьков, И. Алфимов, Л. Пустошкин). Анне Леопольдовне не добавило популярности и ее увлечение саксонским графом М. Линаром: слишком уж он напоминал только что свергнутого Бирона.

Пока "наверху" ссорились и интриговали, в гвардейском "низу" копилась критическая масса для очередного переворота. Решающая же роль гвардии в столице определялась слабостью полиции и небоеспособностью расквартированных в Петербурге армейских частей: по рапорту обер-коменданта С. Игнатьева, в июле 1741 г. в 4 полках гарнизона (4135 строевых при некомплекте в 1317 человек) 2621 солдат и офицер находились на различного рода работах³⁶.

В сентябре 1741 г. гренадерская рота Преображенского полка была переведена с отдельных квартир в только что отстроенные казармы. Собранные в общих "светлицах" солдаты и унтер-офицеры без контроля со стороны начальства (офицеры в казармах не жили) свободно могли высказывать недовольство: солдатам запретили топить печи "годными" бревнами и досками: у только что вернувшихся из похода в Финляндию отобрали казенные шубы; бдительный принц Антон лично распорядился сломать поставленные гренадерами "рогожные нужники", явно не украшавшие окрестности казарм³⁷. Всем солдатам было запрещено обращаться к принцу-генералиссимусу помимо нижестоящих командиров, а гвардейцам-именинникам не разрешалось более являться с калачами во дворец³⁸.

Сочетание кризиса власти с попытками навести порядок путем муштры и повседневных наказаний подводило ситуацию к критической черте. Но "наверху" этого не желали замечать: 7-8 ноября 1741 г. Анна Леопольдовна торжественно отмечала годовщину переворота и "благополучно окончившегося первого года правления" Ивана Антоновича. Правительница блистала в особом "грузинском" костюме на собольем меху и готовилась к новым балам: к празднику Андреевского ордена (30 ноября) ей срочно шили "кавалерское платье", а ко дню рождения (7 декабря) уже были заказаны сюжеты для фейерверка и разучивалось представление с участием придворных слонов.

Скорее всего в те дни октября-ноября 1741 г. и сложился настоящий заговор, тот, который привел Елизавету к власти, но заговор не "офицерский", а "солдатский". Специфическую черту переворота 1741 г. отметили уже современники. И Манштейн, и Миних-младший, и собиравший сведения о послепетровской истории России немецкий журналист и историк А. Ф. Бюшинг определенно указывали, что агентам Елизаветы - Лестоку и Шварцу - удалось привлечь на свою сторону только нескольких гренадеров Преображенского полка. Называлось разное число солдат, но наиболее обоснованным выглядит суждение С. А. Панчулидзева, что ведущую роль сыграли первыми пожалованные Елизаветой в сержанты Лейб-компания (особого привилегированного воинского соединения из числа солдат гренадерской роты Преображенского полка, созданного Елизаветой в конце 1741 г.) 9 человек во главе с Ю. Грюнштейном.

Разорившийся в России саксонский купец-авантюрист Грюнштейн успел побывать в татарском плену, однако вырвался оттуда и в 1741 г. пытался добиться суда с не добросовестными компаньонами у самой Анны Леопольдовны. Просьбы остались без последствий, и осенью 1741 г. незадачливый купец поступил в гвардейские гренадеры³⁹.

Грюнштейну и его друзьям-сослуживцам, насмотревшимся, как делаются дела в столице, нетрудно было найти общий язык с людьми типа Лестока и Шварца. Последние и стали главными организаторами заговора, не возбуждая особых подозрений; "засветился" при своих контактах с Шетарди только Лесток. В бумагах Головкина сохранились распоряжение установить за ним наблюдение и соответствующий доклад принцу Антону. Но похоже, что никаких конкретных шагов так и не было сделано, связи агентов Елизаветы с гвардейской казармой остались для окружения Анны неизвестными. А заговорщики располагали информацией о поведении противников. Из донесений Шетарди и анонимных сообщений некоего дипломата из его окружения следует, что "камер-юнгфера" Анны и слуга принца Антона докладывали Лестоку и Шварцу обо всех происшествиях во дворце и даже о поступавших к их хозяевам деловых бумагах⁴⁰.

Манштейн и Бюшинг утверждали, что выступление предполагалось приурочить к крещенскому параду 6 января 1742г., когда принцесса собиралась обратиться к войскам и увлечь их за собой. Иных сведений о планах заговора в мемуарах современников нет. Но кое-что можно извлечь из пропагандистских сочинений начала царствования Елизаветы, выпущенных для обоснования совершенного ею захвата власти. Имеются в виду "Краткая реляция" (разосланная русским послам за границей записка с описанием переворота, которую они должны были пересказывать со ссылкой на полученное из Петербурга частное письмо) и проповеди на ту же тему, предназначенные для формирования общественного мнения внутри страны. Тенденциозность этих документов очевидна. Но тем интереснее встретить в них подробности переворота, не известные по иным источникам.

Так, их авторы, несмотря на все усилия представить поступок Елизаветы вынужденным, проговариваются, что контакты гренадеров во главе с Грюнштейном и цесаревны начались задолго до переворота. А затем один из сочинителей счел нужным упомянуть и достигнутую договоренность: переворот должен был произойти в период, когда караулы во дворце несли сами заговорщики-преображенцы⁴¹. Подобный план был, несомненно, более реальным, по сравнению с театральной попыткой обращения к войскам во время парада.

Однако переворот пришлось ускорить из-за непредвиденных обстоятельств. В литературе не раз отмечалось, что Анна Леопольдовна неоднократно получала предупреждения о готовившемся перевороте от Остермана, обер-гофмаршала Р. Левенвольде, а также из присланных из-за границы писем Линара и других лиц⁴², но не придавала им значения. На следствии после переворота главными из таких фактов Остерман назвал уже указанную информацию Финча, письмо своего агента Совплана из Брюсселя и сообщение посла А. Г. Головкина из Гааги. Все эти сведения и были переданы Анне. Но названные документы, например, письмо графа Линара, были посвящены интригам Шетарди и шведского правительства и их контактам с Елизаветой. Никаких конкретных сведений о заговоре и заговорщиках они не содержали.

Именно об этих обстоятельствах и беседовала с Елизаветой правительница во время куртага в понедельник 23 ноября 1741 г. (так со слов Лестока и описал этот разговор Шетарди)⁴³. Вежливый допрос был неприятен Елизавете, но оправдаться ей не составило труда: шведского посла уже давно не было в России, и все упреки в контактах с представителями враждебной державы можно было смело отвергать; визиты Шетарди продолжались уже целый год и никаких последствий не имели, о чем правительство Анны не могло не знать. "Сигналов" по поводу офицеров-заговорщиков не поступало: в 1741 г. у Тайной канцелярии вообще было мало работы - большей частью по делам о ложном произнесении "слова и дела". Информацией же о "солдатских" связях Елизаветы осенью 1741 г. ни правительница, ни Остерман не располагали, о них не было и речи во время последней встречи принцесс-соперниц. Но мирно завершившаяся беседа должна была подтолкнуть Елизавету к немедленным действиям. Правительницу ей удалось убедить в своей невинности (Анна даже послала к Остерману сказать, что Елизавета "ничего не изволит ведать"), но Лестоку грозил арест, а молчать на следствии он бы не стал.

В тот же день, 23 ноября, Елизавета послала за гренадерами, которые заверили ее в своей готовности. Но в эти дни преображенцы не заступали на караул, и поэтому утром 24-го один из заговорщиков, П. Сурин, отправился во дворец договариваться с караульными солдатами Семеновского полка. Соглашение было достигнуто, и гренадер предупредил солдата С. Карцева, что "в сию ночь будет во дворец государыня цесаревна", о чем сам Карцев и сообщил в 1742 г. при поступлении в Лейб-компанию⁴⁴.

Последним толчком к перевороту стал поступивший 24 ноября в гвардейские полки приказ быть "к походу во всякой готовности": гвардии предстояло поздней осенью отправляться из столицы на театр военных действий в Финляндию. Этот приказ, по иронии

судьбы поставивший точку в судьбе брауншвейгской династии, вопреки сложившемуся в историографии мнению, *не был вызван какими-либо опасениями заговора*⁴⁵: акцию по замене войск на фронте рекомендовал осуществить сам главнокомандующий П. П. Ласси, и Анна без колебаний начертала на его докладе резолюцию "Быть по сему"⁴⁶.

К вечеру 24 ноября 1741 г. переворот "созрел". У Елизаветы уже не было выбора. Но она не сразу отправилась в гренадерскую казарму. Сначала, присягнув Елизавете в ее дворце, туда пошли заговорщики-гренадеры - инициаторы предприятия во главе с Грюнштейном, - чтобы подготовить солдат к приезду основных действующих лиц. Тем временем Лесток удостоверился через своих агентов во дворце, что правительница ни о чем не подозревает, и в доме некоего английского купца получил от французского дворянина из свиты Шетарди (как свидетельствовал придворный ювелир И. Позье) деньги для раздачи солдатам. Шетарди позднее назвал сумму в 2000 руб. Французский посол отнюдь не щедро финансировал предприятие цесаревны, и позднее Мардефельд сообщал в Берлин, что Елизавете пришлось заложить свои драгоценности⁴⁷. После 10 часов вечера Лесток покинул дом купца, и остававшееся до полуночи время приближенные Елизаветы посвятили последним приготовлениям к перевороту. Вероятно, тогда и был составлен "памятный реестр" для ареста сторонников Анны Леопольдовны, о котором упоминает "Реляция".

Ни военные, ни гражданские власти в столице ни о чем не подозревали. Принц Антон подписывал очередные доклады Военной коллегии. В Тайной канцелярии допрашивали ложно объявивших за собой "слово и дело" солдат Вятского и Нижегородского полков. Двор Анны Леопольдовны веселился на последнем в это царствование балу в честь именин жены М. Г. Головкина.

Между тем, прибыв вместе с камер-юнкером М. И. Воронцовым и Лестоком в казармы, царевна застала уже подготовленных к ее появлению солдат. Любимица гвардии знала, как с ними говорить: "Знаете ли, ребята, кто я? И чья дочь?" - так воспроизводит первые ее слова произнесенная в дворцовой церкви 18 декабря 1741г. проповедь новгородского архиепископа Амвросия. Затем принцесса призвала гвардейцев спасти ее: "Моего живота ищут!" Сторонники соблюдения присяги оказались в явном меньшинстве: Елизавету поддержала большая часть унтер-офицеров, отобранных в образцовую роту самим принцем Антоном. Опытные служаки (у большинства гвардейский стаж составлял более 10 лет) сумели быстро организовать гренадеров и арестовали единственного дежурного офицера-подпоручика Берхмана⁴⁸. Арестовали и тех гвардейцев, которым принц Антон поручил надзор за Елизаветой.

После принесения присяги рота выступила в поход. По дороге к Зимнему дворцу (по Манштейну, после его занятия) от колонны отделялись отряды для ареста Левенвольде, Миниха, Головкина, Менгдена, Остермана и близких им лиц. Семеновский караул Зимнего дворца не оказал сопротивления. Правда, по данным Бюшинга и Шетарди, офицеры не спешили выказать свою преданность; однако именно стоявшего в ту ночь на посту П. В. Чаадаева (деда знаменитого "басманного философа") Елизавета послала в Москву с известием о перевороте, а через год он стал премьер-майором и членом суда по делу Лопухиных.

Затем гренадеры под руководством Лестока и Воронцова вошли в дворцовые покои и арестовали ничего не подозревавших "немцев" вместе с младенцем-императором. Кроме упомянутых лиц, Миних-младший и Я. П. Шаховской называли в числе участников переворота Шуваловых, Разумовских и В. Ф. Салтыкова, но в чем именно состояло их участие, не вполне понятно. Основную часть операции по захвату престола гвардейцы Елизаветы проделали быстро, умело и, видимо, вполне самостоятельно. Высшие военные командиры - далекий от придворных интриг генерал-фельдмаршал П. П. Ласси и подполковник гвардии принц Л. Гессен-Гомбургский (его жена, урожденная княжна А. И. Трубецкая, была подругой Елизаветы) - были вызваны после описанных событий и действовали уже по приказу новой власти. Они распорядились стянуть к Зимнему дворцу части гарнизона и гвардейские полки, в то время как столь же спешно созванные вельможи - А. П. Бестужев-Рюмин, А. М. Черкасский, А. Б. Куракин, Н. Ф. Головин, Н. Ю. Трубецкой - приносили Елизавете поздравления и сочиняли манифест о ее вступлении на престол.

Вслед за ними к Елизавете в ее прежний дворец (где уже сидело под арестом брауншвейгское семейство и его "партизаны") спешили и столичные обыватели: "Большой зал дворца был полон Преображенскими гренадерами. Большая часть их были пьяны; одни, прохаживаясь, пели песни (не гимны в честь государыни, но неблагопристойные куплеты), другие, держа в руках ружья и растянувшись на полу, спали. Царские апартаменты были наполнены простым народом обоего пола <... > Императрица сидела в кресле, и все, кто

желал, даже простые бурлаки и женщины с их детьми, подходили целовать у ней руку"⁴⁹, - такими увидел победителей безвестный офицер Воронежского полка, находившийся проездом в столице.

К восьми утра "генеральное собрание" в старом дворце Елизаветы завершилось составлением новой формы титула, присяги и манифеста. В последнем объявлялось, что в правление младенца-императора произошли "как внешние, так и внутри государства беспокойства и беспорядки, и следовательно, немалое же разорение всему государству последовало б". Поэтому все верные подданные, "а особливо лейб-гвардии нашей полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы <... > отеческий наш престол всемилостивейше воспринять соизволили", что и было сделано по "законному праву", т. е. "по близости крови" и по "единогласному прошению"⁵⁰. Вслед за тем Елизавета приняла орден св. Андрея Первозванного, объявила себя полковником всех гвардейских полков и показала с балкона войскам и толпе. В третьем часу пополудни Елизавета в качестве новой императрицы переселилась в уже взятый ею ночным "штурмом" Зимний дворец, где в придворной церкви был оглашен манифест и прошел под гром пушек торжественный молебен. После официальных поздравлений должностные лица и собранные вокруг дворца полки приняли присягу. Что же касается Анны Леопольдовны с мужем и сыном, то они остались ждать решения своей участи, а их сторонники к вечеру "переехали" в казематы Петропавловской крепости.

Закрепление успехов. 25-27 ноября приказы по гвардейским полкам обещали солдатам "материнскую милость" и особое покровительство Елизаветы, а также напоминали о непременном принесении присяги и явке с поздравлениями к "ручке ее императорского величества"; дозволялось вновь приходиться во дворец гвардейцам-именинникам и обращаться с просьбами о крещении детей. Дойти до "ручки" удалось не всем: 26 ноября началась раздача вина по ротам, и приказы последующих дней требовали от командиров "унимать" загулявших гвардейцев, которые "по улицам пьяные шатаются"⁵¹.

Во дворце же завершался очередной передел власти. Официальные документы и донесения послов позволяют говорить о сложившемся при новой императрице "Совете одиннадцати", в который вошли и деятели прежних правительств (И. Ю. и Н. Ю. Трубецкие, А. М. Черкасский, А. И. Ушаков, опытные придворные Н. Ф. Головин, А. Б. Куракин, А. Л. Нарышкин и только что возвращенный из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин, старый петровский генерал Г. П. Чернышев, фельдмаршал П. П. Ласси и генерал В. Я. Левашов)⁵². Очевидно, что это была временная комбинация: в кругу вельмож выдвигались новые лидеры, прежде всего А. П. Бестужев-Рюмин. Принц Л. Гессен-Гомбургский стал командующим гвардейскими полками, но пост руководителя Военной коллегии уступил срочно возвращенному из ссылки фельдмаршалу В. В. Долгорукову. А. Лесток занял влиятельный пост лейб-медика с чином действительного тайного советника. Генерал-аншефом стал В. Ф. Салтыков - именно ему Елизавета поручила деликатную миссию надзора за брауншвейгским семейством. Вслед за названными лицами получили должности камергеров двора братья П. И. и А. И. Шуваловы и М. И. Воронцов — им принадлежало будущее елизаветинского царствования.

В 1741 г. никаких проектов нового государственного устройства не требовалось. Новый "Совет" единодушно осудил деятельность Верховного тайного совета и Кабинета. Но Елизавета отнюдь не спешила расставаться с деятелями прежнего режима. Сохранили свои посты безликий канцлер А. М. Черкасский и ветеран "эпохи дворцовых переворотов" генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой, встречавший без единой опалы уже шестое царствование. Сомнения в лояльности последнего были: сохранился рапорт бывшего уфимского вице-губернатора П. Аксакова, докладывавшего новой императрице: "Вашего императорского величества всемилостивейшим указом от его светлости принца Гессен-Гоумбургского мне объявлено, не имею ли я подозрения на господина генерал-прокурора князя Трубецкого, на которой всеподданнейше нижайше доношу, что подозрения на него никакого не имею"⁵³. Не доверяли князю и гвардейцы: в 1743 г. Преображенский солдат Е. Вицаков сообщал лейб-компанцам, что "злодей" Трубецкой "собирался з гранодерской ротой и хотел в Петергоф итить и государыню взять" (однако на допросе Вицаков традиционно сослался на пьянство)⁵⁴. Тем не менее ловкий царедворец пережил и Елизавету, и очередной переворот 1762 г. и только перед смертью в 1767 г. раскаялся в том, что с его помощью многие не столь гибкие "персоны" потеряли в придворной борьбе честь, имущество и жизнь... Заверения в высочайшей милости были даны и дяде Анны Иоанновны, московскому главнокомандующему графу С. А. Салтыкову. "Безотлучно" состоял при императрице глава Тайной канцелярии А. И. Ушаков: необходимость в его услугах была в глазах

Елизаветы очевидной, и 2 декабря она отменила уже состоявшееся было назначение главного следователя империи в действующую армию.

Расправа над поверженными соперниками совершалась вполне традиционно. Опала "министров", заключенных в Петропавловскую крепость, сопровождалась устранением их "конфидентов". В числе последних были арестованы некоторые офицеры Семеновского и Преображенского полков (майоры И. Альбрехт, Н. Стрешнев, Н. Соковнин, В. Чичерин); другие (как капитаны И. А. и Ф. А. Остерманы, М. Аргамаков, И. Путятин) были переведены в армию или отставлены.

12 декабря 1741 г. по делу арестованных "партизантов" бывшей правительницы была создана следственная комиссия во главе с неизменными А. И. Ушаковым и Н. Ю. Трубецким. Но еще 26 ноября Елизавета отдала первые распоряжения о допросах Остермана и Головкина по наиболее интересовавшему ее вопросу о "проекте наследства"⁵⁵. Подчиненные арестованных (И. О. Брылкин, канцелярист Дронов) тут же доложили обо всех подготовленных по делу документах, и следователи получили точную информацию о роли каждого из опальных вельмож в этом "преступлении". Головкин и Остерман полностью признали свою вину, в чем Елизавета могла лично убедиться, присутствуя на допросах. Интересовали ее и поступавшие в адрес Анны Леопольдовны предостережения о заговоре, и организация слежки за "домом цесаревны". Прочие обвинения (в подкупе со стороны иноземцев, в "скрытии" завещания Екатерины I, в предпочтении при назначениях русским людям иноземцев и т. д.) носили откровенно риторический характер. Результат следствия был предрешен.

Указ Сенату от 13 января предписал судить преступников. В реестр судей были включены и многие выдвиженцы "незаконного правления": П. С. Салтыков, В. Ф. Наумов, П. Воейков, Я. П. Шаховской. Им в очередной раз предстояло доказывать свою преданность. 15 января Н. Ю. Трубецкой объявил в Сенате, что следствие закончено. При этом частные бумаги и письма подследственных было приказано сжечь. Очевидно, такой была общая судьба не представлявшей интереса для следствия части архивов государственных преступников. 16-го объявлен приговор: Миних осужден к четвертованию, Остерман, Головкин, Левенвольде, Менгден, Тимирязев - к "обычной" смертной казни (отсечению головы).

18 января 1742г. осужденные выслушали на эшафоте манифест о своих "винах". В момент, когда Остерман уже положил голову на плаху, все получили высочайшее помилование. Казнь была заменена сибирской ссылкой. Остальные обвиняемые - сенатор В. И. Стрешнев, генерал М. Хрущев, майор-семеновец В. Чичерин, секретарь принца П. Грамотин — отделались сравнительно легко: переводом в армию или удалением со службы и ссылкой в свои имения.

Традиционной мерой была и конфискация имущества осужденных. С недвижимой собственностью все обстояло достаточно просто. Но поиски движимых ценностей встретили препятствие: предусмотрительный Остерман осенью 1741 г. перевел через своего "банкера" Андреаса Пельса 10 000 фунтов стерлингов в Англию и 117 660 гульденов в Голландию, не считая крупных сумм, размещенных там же, начиная с 1732г. Заграничные банки отказывались выдать эти вклады без правительственной гарантии на случай возможных претензий вкладчика. В ноябре 1742 г. правительство Елизаветы предоставило такую гарантию, но и через год после этого поиски всех вкладов Остермана не были доведены до конца⁵⁶.

На новую императрицу обрушился поток челобитных. Только в 1742 г. их поступило более 2000. Просили о выдаче жалованья, о пересмотре судебных решений и прежде всего о наградах, заслуженных и незаслуженных. Чьи-то ожидания оправдывались. Е. И. Индова обратила внимание, что в 1742-1744 гг. прошла очередная (после 1730-1731 гг.) "волна" земельных раздач. Имения и дома Миниха, Остермана, Левенвольде, Головкина, Менгденов частью попали в состав дворцовых владений, частью достались новым хозяевам: их получили возвратившиеся из ссылки В. В. Долгоруков, дети А. П. Волынского, родственники его конфидентов. А. М. Девиер, фавориты императрицы (А. Г. Разумовский и А. Я. Шубин), ее приближенные В. Ф. Салтыков, М. И. Воронцов, А. П. Бестужев-Рюмин, духовник Елизаветы священник Федор Дубенский, кабинет-секретарь И. А. Черкасов, камергер Н. Корф, генерал Д. Кейт, будущий фельдмаршал С. Ф. Апраксин, лейб-компанцы. Всего в раздачу пошло 21 297 дворов с 63 893 душами; 8773 души получили гренадеры-преображенцы⁵⁷.

Осуждение деятелей свергнутого правительства сопровождалось опять-таки традиционной раздачей милостей: была объявлена очередная амнистия (кроме осужденных "по первым двум пунктам", т. е. за политические преступления), "сложены" по 10 коп. с подуш-

ной подати на 1742 и 1743 гг. и "казенные доимки" за 1719-1730 гг.; ликвидирована и сама Доимочная комиссия⁵⁸. Тайная канцелярия получила распоряжение "наказаний не чинить" тем, кто обвинялся в оскорблении брауншвейгской фамилии, и ложно объявившим "слово и дело" духовным лицам - их надлежало передавать в Синод. На несколько дней, судя по протоколам, сыскное ведомство замерло: прекратились допросы и пытки. Но уже в декабре оно продолжило обычную работу в прежнем составе и с прежним жалованьем.

Восстановление "отеческого духа"? В литературе давно было отмечено, что воцарение Елизаветы сопровождалось широкой пропагандистской кампанией. Манифест 28 ноября 1741 г. разъяснял, что завещание Екатерины I, по которому право на корону принадлежало потомству Петра I, было скрыто иноземцем Остерманом. Таким образом, царствование Анны Иоанновны признавалось незаконным, а правление младенца-императора -незаконным вдвойне, поскольку Остерман, Миних и Головкин вместе с Анной Леопольдовной "насилством взяли" управление империей в свои руки в то время, как Иван Антонович и его родственники "ни малейшей претензии и права к наследию всероссийского престола ни по чему не имеют". Несмотря на то, что "законная" власть в лице Елизаветы повелела брауншвейгское семейство "в отечество всемилостивейше отправить"⁵⁹, свергнутый император с родителями вместо заграничного отечества угодил в строгое заточение сначала в Риге, потом, в 1742-1744 гг., в Динамюнде (нынешний Даугавпилс) и в бывшем меншиковском Раненбурге под Рязанью, в 1744-1756 гг. в Холмогорах, откуда "принца Иоанна" перевели отдельно от семейства в Шлиссельбург.

Власти и раньше уже изымали из обращения отдельные документы (как в 1727 г. манифест по делу царевича Алексея). Теперь же правительство Елизаветы решило вычеркнуть из истории страны "незаконное" царствование. Сразу же начался сбор из центральных учреждений всех законодательных актов царствования Ивана Антоновича (указ об этом от 21 декабря 1741 г. не вошел в "Полное собрание законов Российской империи") и обмен монет с его изображением, в 1742г. были сожжены печатные листы с присягой, с 1743 г. планомерно изымались все официальные документы с упоминанием свергнутого императора и правительницы. Уничтожить годовую документацию всех государственных учреждений не представлялось возможным, и целые комплексы дел передавались на особое хранение в Сенат и в Тайную канцелярию, а ссылки на них давались без упоминания имен. Вступив на престол, наследник Елизаветы Петр III повелел после снятия необходимых копий уничтожить все дела "с известным титулом", и только очередной переворот не позволил выполнить это распоряжение⁶⁰.

Учебники Вейсера де ла Кроца и Гильмара Кураса по всеобщей истории, изданные в годы правления Елизаветы (их "русские" известия добавлялись к основному тексту переводчиками), упоминали только об угрожавшем "погибелью" России "незаконном правлении", которое было пресечено Елизаветой⁶¹. Забвению подлежали и имена бывших министров - и не только в России. Когда в Германии стали появляться в продаже биографии Миниха, Остермана и Бирона, А. П. Бестужев-Рюмин в 1743 г. предписал русским послам в европейские страны добиваться запрещения торговли подобными изданиями и "уведать" подлинные имена их авторов. Попавшие же в Россию экземпляры "пашквилей" должны были немедленно конфисковываться и сжигаться⁶².

В проповедях и публицистических произведениях, призванных оправдать произведенный переворот в глазах соотечественников и за границей, восхваление деяний Петра служило прямым оправданием действий его дочери в борьбе с врагами России. В образе последних представляли Миних, Остерман и другие "эмиссарии диавольские", которые истребляли людей верных и отечеству "весьма нужных" и назначали вместо них иноземцев, обирали казну (неправедно нажитые деньги "из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали"), подрывали истинное благочестие и не допускали законную наследницу к власти⁶³. Усердные сочинители представляли переворот подчас в совершенно кощунственном виде: сам Бог "вливая благодать свою в немого и неимущего дома и родителей и мало ведомого, в чине солдатском служащего Георгия Федорова сына Гринштейна"; ночной поход Елизаветы выглядит столь же священной миссией: "По вооружении силой крестною и исшествии из казармы сия блаженная компания <... > утвердиша слово: намерения не отменить и действо исполнить"⁶⁴.

Официальным курсом нового царствования стало возвращение к заветам Петра I, что многократно декларировалось новым правительством: были восстановлены права Сената, возобновлена деятельность упраздненных было коллегий, произошло возвращение к армейским штатам 1720 г. Но насколько взятые Елизаветой на вооружение лозунги со-

ответствовали действительности? На деле "петровская" риторика новой власти оборачивалась продолжением официально осуждаемой практики "незаконного правления": Елизавета еще выше подняла значение придворных чинов - камер-юнкер приравнялся уже к армейскому бригадиру. Новые фельдмаршалы, вроде А. Г. Разумовского или С. Ф. Апраксина, едва ли могли сравниться в военном искусстве с Минихом. Зато торопливый пересмотр и отмена прежних решений приводила к конъюнктурным искажениям действительных петровских предначертаний. Так, в 1743 г. появился "отчет" об итогах Камчатской экспедиции В. Беринга (его составил комендант Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев), которая оценивалась как "разорение от Беринга с товарищи самого лучшего Сибирского края" и пустая трата огромных денег. В таком же духе был написан и утвержденный Елизаветой доклад Сената о прекращении экспедиции, от которой он, Сенат, "ни малого плода быть не признает"⁶⁵.

В сфере социальной политики правительство Елизаветы продолжало наметившийся ранее курс на укрепление "регулярного" государства. Но если для дворян восстановление обязательной явки на смотры сопровождалось получением новых льгот (в виде монополии на винокурение), то для крестьян крепостническая политика послаблений не предусматривала. По-видимому, переворот 1741 г. породил некоторые надежды на облегчение положения крепостных. Во всяком случае, крестьяне некоторых недавно пожалованных сторонникам Анны Леопольдовны деревень просили о передаче их обратно в дворцовое ведение. Указ от 2 июля 1742г. упоминал, что помещичьи люди "немалым собранием" подали прошение императрице о разрешении им записываться в армию, и категорически запретил такой уход; самих же просителей ожидали кнут и ссылка на сибирские заводы. При принесении присяги Елизавете крепостные были исключены из числа подданных - за них присягали их владельцы. Первоначальные послабления сменились распоряжениями о взыскании недоимок (11 декабря 1742г.) и увеличении подушной подати на 10коп. для крепостных и на 15коп. для государственных крестьян (30 декабря 1745г.). Проведение в 1744-1747 гг. новой ревизии ставило задачу сделать невозможным само существование "вольных разночинцев" — их всех надлежало непременно записать в подушный оклад, в армию, на фабрики.

Усиление государственного и помещичьего гнета вызывало соответствующую реакцию: продолжались действия разбойных "партий" и массовое бегство на окраины и за границу; русские крестьяне охотно селились во владениях польских вельмож, а на южном берегу Каспийского моря строили флот шаху Ирана Надиру. С конца 40-х гг. резко увеличилось количество челобитных, в которых крестьяне отстаивали свои права ссылками на петровские указы о наказаниях за злоупотребления "в народных сборах"⁶⁶. Они как бы напоминали о нарушении тех самых законов, возвращение к которым декларировала новая власть. Что же касается горожан, то восстановление в 1743 г. магистратов и цехов несколько не облегчило их положения: эти органы находились в полном подчинении у администрации.

Оборотную сторону - ограничение веротерпимости - имела и официально демонстрируемая приверженность православию. Указы 1741-1742 гг. предписывали обратить все строившиеся лютеранские кирки в православные храмы и запрещали армяно-григорианское богослужение. Дважды, в 1742 и 1744гг., объявлялось о высылке из империи всех евреев, за исключением принявших крещение. С 1742г. Сенат прекратил разрешенную ранее запись в раскол; возобновлялось взимание денег с "бородачей" и ношение шутовских кафтанов с красным воротником-козырем для раскольников. Елизаветинское время отмечено резким усилением репрессий против старообрядцев, в ответ на которые в стране вновь начались самоожжения⁶⁷.

Ужесточили власти и контроль за повседневной жизнью подданных: этим занимались возникшие в 1744 г. при каждом епархиальном архиерее духовные консистории, призванные бороться с ересями и расколом, а также осуществлять суд над духовными лицами и мирянами. Примером такой "заботы" может служить завершленное в 1742 г. дело о незаконном сожителстве Максима Пархомова и Дарьи Колтовской, тянувшееся 15 лет. Находившихся уже "в довольных летах" и имевших взрослых детей супругов, которые "бессовестно и каменносердечно, аки свинии во блате, чрез многие годы валялись в прелюбодействе", разрешили от церковного проклятия, но разослали "под караулом скованных" по разным монастырям, поскольку "отнюдь не надежно, чтобы они всесовершенно разлучились"... Указы Синода начала 40-х гг. запрещали устраивать кабаки близ церквей и монастырей; в храмах предписывалось никоим образом не вести бесед о "светских делах", даже на торжественных молебнах не рекомендовалось громко выражать свои верноподданнические

чувства. Распоряжения светской власти определяли и поведение на улице, чтобы "на лошадях скоро ездить и браниться не дерзали".

Новая власть восприняла из петровского "наследства" не его динамику и новаторство, а крепостничество и стремление к всеобщей регламентации. В этом смысле переворот 1741 г., в отличие от ситуации 1725 г. или января 1730 г., не столько открывал возможности изменения сложившейся системы, сколько "закрывал", консервировал официально канонизированное "наследство".

Уроки переворота. "Доброй" правительнице Анне Леопольдовне не помогли ни лавры "избавительницы" от злодея Бирона, ни победа над шведами. Регентша оказалась непригодной для созданного Петром I политического режима, в котором все нити и рычаги были замкнуты на ключевой фигуре императора без какого-либо разделения прав и обязанностей с другими институтами власти. Анна Иоанновна и Елизавета по сравнению с Анной Леопольдовной были не более компетентными, но именно она допустила такой уровень дезорганизации высших эшелонов власти, который представлялся опасным для стабильного функционирования государственной машины. Неспособность Анны создать свою "команду" и управлять ею означала в итоге такую изоляцию правящей группы, которая привела к успеху "солдатского" заговора Елизаветы. В отличие от других дворцовых переворотов, в 1741 г. победившая сторона не имела "партии" среди вельмож и офицеров. Но Анну никто не собирався защищать, и вся "верхушка" (за исключением Левенвольде, Миниха, Остермана и Головкина, которые даже перед лицом опасности не смогли объединиться) тут же признала Елизавету и сохранила свои позиции.

Пропагандистские усилия новой власти и их "православно-патриотическую" направленность можно считать особенностью произошедшего переворота. Прошлые "революции" такого идеологического обеспечения не имели. Однако чрезмерная активность такого рода представляла и очевидное неудобство: сама власть внушала подданным, что выступление против ее верховных носителей при определенных условиях может быть и вполне богоугодным делом. По-видимому, и этот урок был усвоен: в дальнейшем таких широких кампаний по оправданию совершившихся переворотов уже не было.

Но можно ли вслед за елизаветинской пропагандой считать Миниха, Остермана, Менгдена "внутренними супостатами", а их политику - принципиально антинациональной? Все же это были российские государственные деятели и, возможно, не самые худшие. Честолюбивые, жестокие, коварные (хотя едва ли их русские собратья были более симпатичными), но они сделали карьеру на российской службе и всеми своими интересами были с ней связаны. "Иноземное" правительство отнюдь не стремилось продавать национальные интересы страны: Остерман принципиально не получал "пенсионеров"; Кабинет, вопреки мнению Коммерц-коллегии и настояниям английских купцов, отказался снизить пошлины на английские товары, транзитом направлявшиеся в Иран⁶⁸. Не следует забывать и того, что решение о победоносном для русской армии Вильманstrandском сражении в августе 1741 г. принял военный совет, шесть из восьми участников которого вместе с главнокомандующим были "немцами".

Имеющиеся списки генералов и штаб-офицеров армии 1741-1742 гг., по нашему мнению, также не дают оснований говорить о каких-то преимуществах для иноземцев. Среди произведенных при Анне Леопольдовне генерал-аншефов "немцев" нет, из 5 генерал-лейтенантов - 2, из 7 генерал-майоров - 3, из 5 бригадиров - 1; при этом, за исключением генерал-адъютанта П. Ф. Балка, все они - старые служаки, не связанные с придворными "конъектурами". Сравнение перечисленных назначений с такими же списками за 1748 г. показывает, что "национальное" правительство Елизаветы проводило точно такую же политику: из 5 полных генералов, произведенных ею, 2 - "немцы", из 8 генерал-лейтенантов - 4, из 31 генерал-майора - 11⁶⁹. Необходимо при этом учесть, что многие офицеры из прибалтийских губерний вынуждены были служить в имперской армии, так как их маленькие владения в 1-3 гака не оставляли иного выбора. Подпоручиками и прапорщиками в полевые полки отправлялись и их дети, выпускники Шляхетского кадетского корпуса (в 1741 г. из 71 "курсанта" - 21 "немец"), не получавшие никаких особых благ при распределении.

Что же касается статской службы, то и здесь все назначенные в 1741 г. губернаторы (М. И. Леонтьев, А. Г. Загрязский, А. П. Баскаков, В. Н. Татищев, А. А. Оболенский, И. И. Шипов, главнокомандующий на Украине И. Бибилов), за исключением посылаемых в Прибалтику, были русскими. Из назначенных в том же году президентов и вице-президентов коллегий (И. Одоевский, Н. Кречетников, К. Принценстиерн, Г. Кисловский, М. Раевский, Б. Бибилов) только один был "немцем", к тому же давно находившимся на

русской службе⁷⁰. Стоит отметить, что Елизавета попробовала 31 декабря 1741 г. отменить все чиновпроизводства "незаконного" царствования, но уже через несколько дней сочла более благоразумным утвердить их⁷¹.

С другой стороны, именно Елизавета и ее окружение пошли на контакты с Шетарди и Нолькеном, содержание которых (будь оно открыто при аресте Лестока или Шварца) вполне могло послужить основанием для самого сурового приговора. И именно при Елизавете соперничество "*партий*" во главе с иностранными дипломатами стало на несколько лет характерной чертой российской политической жизни. Шетарди и Мардефельд не жалели сил и средств, чтобы свалить А. П. Бестужева-Рюмина с помощью пенсионеров и наставлений своим креатурам - И. Лестоку и М. И. Воронцову. К этой же группировке примыкал и Н. Ю. Трубецкой. Канцлер не оставался в долгу. Усилиями организованного им "черного кабинета" во главе с академиком-математиком Х. Гольдбахом через год были дешифрованы депеши Шетарди, и его миссия завершилась полным провалом. В 1748 г. опала постигла и Лестока. Но ни Воронцова, ни Трубецкого Елизавета не тронула: она умела лавировать и использовать противоречия между своими слугами⁷².

Насколько же совпадал специфический патриотизм гвардейской казармы с настроениями "улицы"? Вот в каком ряду событий описывается свержение Бирона в редком для первой половины столетия документе - дневнике отставного семеновского поручика А. Благово: "Воскресение морозец. Регента Бирона збросили. Крестьяня женились Ивонин внук. В 741 году в 34 побор Василей Марков в рекруты взят... " Бесстрастно фиксирует это же событие "записная книга" кронштадтского подштурмана И. М. Грязнова, а позднее столь же лаконично отмечает: "Ноября 25 соизволила всероссийской престол принять государыня императрица, а прежняя правительница с мужем и сыном своим отлучены и свезены с честью в неизвестное место". Не сочли нужным комментировать происшедшие события в своих подробных записках Измайловский капитан В. Нащокин и представитель украинской старшины Я. Маркович, который на всякий случай вымарал в тексте все записи с именами представителей "незаконного правления"⁷³. Похоже, современники воспринимали "дворские бури" как далекие от их повседневных дел события. Или авторы записок даже наедине с собой не считали возможным дать более эмоциональную оценку? В начале XIX в. престарелые очевидцы сообщали интересующимся о настроениях своей юности: "Отец мой видел Бирона и так боялся, что не любил говорить о нем даже тогда, когда его уже не было в России"⁷⁴.

При поисках источников о событиях 1740-1741 гг. автору этих строк попался в отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России дневник некоего московского чиновника, написанный на полях и между строк печатного "Санкт-Петербургского календаря на лето 1741 г." (ГПИБ, ОИК, № 29497). Из него можно узнать, когда начался на Москве-реке в 1741 г. ледоход и когда пошел первый снег, почему продавали летом огурцы и на ком женился тайный советник и кавалер И. И. Неплюев. Нет в дневнике только "политики". Интересующие нас проблемы затронула одна-единственная запись от 29 ноября: "Прибыл капитан гвардии Семеновского полку Петр Васильев сын Чадаев с объявлением о восшествии на престол всероссийский е. и. в. всемилостивейшей нашей императрицы Елисаветы Петровны". Событие отмечено не только принесением присяги, но и особой торжественностью: "И от того числа вседневно звон в соборе и у всех церквей целую неделю был, а ношью везде иллюминация. В приказах и в рядах в ту неделю не сидели". А дальше все входит в привычную колею, и автора волнуют прежде всего непредвиденные расходы: на подарок вестнику-капитану (1000 руб.), на бал в ратуше, на сборы "в поднос" самой императрице (3500 руб.). Похоже, что столичные события воспринимались без особых эмоций, как весьма далекие от жизненных забот и уж во всяком случае не как избавление от засилья иноземцев. Среди потока прошений к новой императрице можно встретить и челобитные тех, кто считал необходимым напомнить о своих заслугах в качестве давних сторонников опальной принцессы. Но при проверке оказывалось, что таковые, как, например, аудитор инженерного корпуса П. Муравьев и его друзья, действительно попали при Бироне в Тайную канцелярию, но... как сочувствовавшие Анне Леопольдовне⁷⁵.

Атмосфера в Петербурге была иной, но итоги переворота воспринимались современниками по-разному. Шетарди, метрдотель его посольства и автор анонимного французского донесения от 28 ноября (9 декабря) 1741 г. единодушно сообщали о народном ликовании, какого "по заявлению лиц, живущих в этой стране уже более 30 лет, никогда не было видано ни при каком случае". А послу Англии картина виделась в ином свете: он не замечал в народе никакой "общей радости". С Финчем был согласен и адъютант арестованного в эту

ночь Миниха Х. Манштейн (его военной карьере в России новый переворот положил конец): "Когда свершилась революция герцога Курляндского, все были чрезвычайно рады: на улицах раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: все смотрели грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь из своего семейства"⁷⁶.

Едва ли можно приписывать эти разноречия только предвзятости авторов, ведь реакция на очередную "революцию" могла быть на самом деле неоднозначной и для них, и для того круга, к которому они принадлежали. Но одно обстоятельство осталось памятным всем: небывалое доселе выдвижение гвардейского "солдатства". "Они и считают себя здесь господами, и, быть может, имеют для этого слишком много оснований", - так передавал свои впечатления о начале нового царствования Финч. То же отмечали и другие дипломаты, и их русские современники. Можно согласиться с Е. В. Анисимовым, что выдвижение в ходе переворота на первый план гвардейских "низов" - важнейшая из изложенных выше особенностей ситуации 1741 г.⁷⁷ Но отсутствие "господского" заговора придает этой специфике еще большую значимость: *предельно допустимый для правящей элиты уровень политического действия был ею четко осознан*. Не случайно Миних-младший привел в замечаниях на записки Манштейна резкий отзыв генерала Левендаля об арестованном Минихе, фельдмаршала в любом случае следует осудить - и прежде всего за то, что "он первый подал опасный пример, как с помощью роты гренадеров можно низвергать и возводить на престол государей". В начале нового столетия эту особенность ситуации 1741 г. подчеркнул А. Р. Воронцов в записке, адресованной только что вступившему на престол Александру I. По мнению отставного министра и сенатора, даже "незаконное" избрание Анны Иоанновны с "несвойственными" для России кондициями было все же предпочтительнее, поскольку "не солдатство престолом распоряжалось, как в последнее время похуже на то случалось"⁷⁸.

После открытого столкновения придворных группировок в относительно "цивилизованных" формах в 1725 и 1730 гг. политическая борьба приняла форму "военного" переворота 1740 г., а затем перессорившиеся "верхи", по сути, передали инициативу действий самой ударной силе - гвардии, которая и в 1725, и в 1730, и в 1740 гг. была все же послушным орудием в руках командиров. В 1741 г. эта сила оказалась на грани выхода из-под контроля: впервые гвардейцы пошли на свержение *законного и правящего императора*, и это оказалось реальным и даже "геройским" делом для роты солдат.

Гвардейские амбиции отражали не только жалобы на безобразия пьяных солдат. В апреле 1742 г. в Петербурге и в мае в действующей армии гвардейцы устраивали форменные побоища вплоть до нападений на офицеров-иностранцев, и только вызванные армейские части смогли навести порядок⁷⁹. Атмосфера 1741 г. кружила головы многим военным: вот уже и 19-летний сержант Невского полка А. Ярославцев, возвращаясь с приятелем и дамой легкого поведения из винного погреба, не счел нужным в центре Петербурга уступить дорогу поезду самой Елизаветы. "... И бранили тех ездových и кто из генералов и из придворных ехали, матерно, и о той их брани изволила услышать ее императорское величество", - хвастался сержант приятелям и на их увещания отвечал: "И сама де государыня такой же человек, как и я, только де тем преимущество имеет, что царствует..."⁸⁰.

Дело было не только в случаях открытого неповиновения. Ночной поход 1741 г. открыл еще одну закономерность российского "переворотства": легкость и безнаказанность захвата власти породила в гвардейско-придворной среде представления о возможности *"переиграть"* ситуацию, ведь "в случае" оказывались немногие, а обиженных при распределении наград и чинов всегда хватало. Уже в январе 1742 г. Финч отметил ропот в гвардии. Затем эти настроения стали материализовываться: летом Преображенский прапорщик П. Квашнин, камер-лакей А. Турчанинов и Измайловский сержант И. Сновидов сочли вполне возможным собрать "партию человек в триста или и больше, и с тою бы партией идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возвратить". Наличие препятствия к "возвращению" принца в виде императрицы уже не смущало; на вопрос, что с ней делать, Турчанинов прямо пояснил: "Где он их увидит - заколет"⁸¹. Знаменитое "дело Лопухиных" выявило подобные же настроения и в придворных кругах: подполковник И. Лопухин летом следующего 1743 г. не стеснялся заявлять о скорых переменах в правительстве и воцарении того же "принца Иоанна", называя при этом многих недовольных происшедшим переворотом офицеров.

Платой за успех было заметное снижение престижа императорской власти, что не могло не беспокоить Елизавету, однако действовать ей приходилось не столько кнутом, сколько пряником. 7 декабря 1741 г. императрица угощала преображенцев в той самой казарме, куда она явилась в ночь переворота, и указала построить на месте съезжей избы гренадерской

роты храм во имя Спаса Преображения и св. Сергия. По указу от 21 декабря каждому гвардейскому солдату увеличили жалование на 3 руб., а сверх того назначили выдачу особых крестинных и именных денег (на четыре полка в год - около 35 000 руб.), но было запрещено самовольно являться во дворец⁸². Наконец, 31 декабря состоялся указ о выдаче всем полкам гвардии 1/3 жалования "не в зачет" - этот подарок стоил казне 72 178 руб. В тот же день была образована Лейб-компания под командованием самой императрицы-капитана; принц Л. Гессен-Гомбургский стал капитан-поручиком, Ю. Грюнштейн прапорщиком, прочие офицерские должности получили самые близкие к императрице люди - А. Г. Разумовский, М. И. Воронцов, братья П. И. и А. И. Шуваловы. Сержантами, капрами и вице-капрами были назначены наиболее активные заговорщики, обеспечившие успех дворцового переворота. В печатном указе все участники переворота были названы поименно; лейб-компанцам из разночинцев было пожаловано дворянство, им составили гербы с девизом "За веру и ревность" и пожаловали по 29 крепостных душ. К весне 1743 г. сумма расходов на эту "гвардию в гвардии" из "кабинетских" сумм Соляной конторы составила 143 136 руб.⁸³

Сохранившиеся приказы по Лейб-компании отражают столь твердую веру сподвижников Елизаветы в свое особое положение, перед которой бывшие гвардейские "продерзости" выглядят детскими шалостями. "Шумство" и драки становились обычным явлением не только на улице, но и во дворце, где гренадеры буянили и пьянствовали прямо в "покоях" императрицы, приглашая туда с улицы для угощения "неведомо каких мужиков", вывешивали из окон свое исподнее или могли заявиться в любое учреждение с указанием, как надо решать то или иное дело.

Выходки своих "детушек" Елизавета терпела, но "распушенность" городских низов поощрять не собиралась. По указам нового царствования не допускалось скопление "подлого" народа - поэтому в 1742 г. харчевни и кабаки предписывалось убрать со "знатных улиц" в "особливые места" и переулки. Такие предписания будут повторяться неоднократно (даже вопреки мнению Сената, исходившего из финансовых соображений), в перечень нежелательных объектов станут включать и ремесленные мастерские с их вывесками - "как ныне их множество разных ремесел видно и против самого двора е. и. в."⁸⁴

Столь же энергично Елизавета уладила и принципиальный вопрос о престолонаследии: 7 ноября 1742 г. ее племянник, голштинский принц Карл-Петр-Ульрих был объявлен наследником. Однако уже в том же году о судьбе правительницы Анны сокрушалась старица Успенского монастыря в Александровой слободе. В 1743 г. за здоровье брауншвейгского семейства поднял тост в сибирской глуши иноземец-портной "из Ангальтского княжества" И. Зибек. В 1754 г. императрица лично допрашивала дворянина А. Беклемишева, показавшего на своих знакомых чиновников и "иноземок", сожалевших об участии свергнутой принцессы и ее сына - "нам де при ней гораздо лутче было". Поручик Канцелярии от строений Е. Зимнинский винился в желании, "чтоб оному принцу быть на всероссийском престоле", и утверждал, что в гвардии есть его единомышленники. Информация же о самом Иване Антоновиче в столице распространялась из первых рук: многие гвардейцы командировались в караул к брауншвейгскому семейству и, подобно сержанту-преображенцу И. Назарьеву, не считали нужным скрывать, что он "весьма умен". Подобные разговоры находили отклик у тех, кто считал себя несправедливо обойденным наградами. Гвардейский капитан-поручик П. Тимирязев, охранявший "брауншвейгцев" после их свержения, негодовал: "В ту де пору приезжал Шувалов и сулил де ему очень много, ан де вот и поныне ничего нет, да и впредь не будет - какой кураж служить?" Бывший секретарь Антона-Ульриха П. Грамотин, проведя несколько лет в ссылке, выражал уверенность, что "будет на царстве Иван Антонович вскорости". Еще через несколько лет следователям пришлось разбираться с полковником И. Ликеевичем, предлагавшим в своих докладах Елизавете и канцлеру Бестужеву скорее отпустить "принца Иоанна" за границу: ведь от долгого заключения пленник "как зверь будет", а после смерти императрицы непременно произойдет выступление его приверженцев против законного наследника⁸⁵.

Характерно, что многие из "сторонников" свергнутого императора независимо друг от друга рассчитывали, что помощь ему придет из-за границы. "Магазейн-вахтер" И. Седерстрем верил в участие прусского и английского королей, на Фридриха II и Францию полагался П. Грамотин. Даже уже уличенный сутяга, дворový человек прокурора Монетной канцелярии И. Долбилов счел возможным ложно донести на своего брата, якобы доставившего вместе с греком-купцом из-за границы деньги заточенному "Антону Урлиху" и собиравшемуся возвести на престол Ивана Антоновича⁸⁶.

В поле зрения Тайной канцелярии систематически попадали люди, чьи связи вызывали

самые серьезные подозрения. В 1744 г. в Риге был арестован бывший офицер шведской службы ливонский барон Стакельберг, на которого поступил соответствующий "сигнал" из Кенигсберга: он заявлял, что русская государыня "никогда на престоле спокойна не будет", и намекал на свои шведские связи и планы войны с Россией. Едва барона отправили в Сибирь, как на него поступил новый донос: ссыльный подполковник Д. Опочинин сообщал, что Стакельберг хорошо осведомлен о положении семейства Антона-Ульриха и в 1743 г. встречался с брауншвейгским дипломатом Кейзерлингом, собираясь с помощью прусского короля освободить или, по крайней мере, наладить связь с пленниками. Оказалось, Стакельберг знаком с другим ссыльным из окружения принца, И. Путятиным. На сибирских просторах им как-то довелось встретиться и в дружеской беседе обсудить, как сделать, чтобы "государыне не быть", а фельдмаршала Миниха по подложному указу освободить из ссылки. На допросах барон категорически "заперся", и беспокойного ливонца на всякий случай отправили за полярный круг, в Мангазею, где и держали в "железах" вплоть до 1763 г.⁸⁷

В 1745 г. новое предостережение поступило из Англии. Русский посол князь И. Ф. Щербатов докладывал, что итальянский кондитер Д. Алипранди (состоявший в 1742 г. в голштинской свите наследника Петра Федоровича) уполномочен от брауншвейгского двора "привести на престол Иоанна" и даже обещал "ядом окормить императрицу всероссийскую!" Через два года прибывший в Россию "конфетурщик" вместе с семейством был препровожден прямо в Петропавловскую крепость, а содержимое его багажа попало на экспертизу лейб-медикам Бургаве и Кондоиди. Кондитер отрицал все обвинения, хотя и признал, что заезжал в Брауншвейг, но исключительно с целью заработка, и никаких политических целей не имел. На счастье итальянца, в привезенных им лекарствах и "лакомствах" ничего "вредительного" не обнаружили, но его все же сослали в Казань, где "Жузеп Алипрандий" с семьей и провел 15 лет под охраной, несмотря на ходатайство посла об освобождении подданного австрийской короны⁸⁸.

В обоих случаях Тайной канцелярии не удалось отыскать "брауншвейгский" или "прусский" след в деятельности арестованных, однако категорически его исключать нельзя, тем более, что иностранные посланники в России были неплохо осведомлены о положении заключенных и их перемещениях. Фигура заточенного принца интересовала Фридриха II: в начале 40-х гг. он подавал Елизавете советы, как охранять престол от брауншвейгской династии. Если верить показаниям тобольского купца И. Зубарева о данном ему поручении прусского короля - помочь "скрасть Ивана Антоновича и отца его" и устроить бунт для возведения принца на престол, - он помнил об узнике и позднее⁸⁹.

О свергнутом императоре не забывали, несмотря на все официальные усилия. О нем говорили и лейб-компанцы (хотя "и отца его и мать бранят по матерны"), и их оппоненты; суждения о его участии можно было слышать "по всем ямам", в столичной Москве и в далеком Тобольске. Однако в народном сознании царственный отпрыск, по-видимому, не расценивался как "свой". В отличие от Алексея, Петра II и Петра III, самозванные Иоанны как будто не появлялись⁹⁰. А сохранившиеся "отзывы" о царе-младенце сочувствием не отличались (например, убеждение калужского купца Д. Ракова, что Ивану Антоновичу предстоит "быть на царстве", но в образе появившегося в России Антихриста). Во всяком случае, когда в 1749 г. поручик И. Батулин готовился произвести переворот с помощью бунта московских фабричных рабочих, то престол он предложил официальному наследнику Петру Федоровичу. То ли, действительно, свергнутый мальчик-император воспринимался как "немец", то ли пропагандистские усилия Елизаветы, подчеркивавшей легитимность своего прихода к власти, оказались эффективными. Радикально решить проблему экс-императора Елизавета так и не смогла. Все 20 лет ее правления беспокойство по поводу узника не оставляло ее, а фигура загадочного принца была своеобразным катализатором "переворотных" надежд внутри страны и не вполне ясных планов зарубежных политиков.

Примечания

¹ См.: Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб., 1908. С. 192; Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 36, 238.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 443.

³ См.: Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 61, 66.

⁴ См.: Политология на российском фоне. М., 1993. С. 187, 292; Пихоя Р. Г. О внутренней борьбе в советском руководстве. 1945-1958 // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 8.

- ⁵ Исаев И. А. История России традиции государственности М, 1995 С. 52
- ⁶ См.: Военное насилие в политической борьбе М, 1994 С. 12
- ⁷ Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII-XIX вв // Вопросы истории 1995 №5-6 С. 40-61
- ⁸ Глинка С. Н. Русская история. Ч. 8 М, 1823 С. 130, Вейдемейер А. Обзор важнейших происшествий в России с кончины Петра Великого и до вступления на престол Елисаветы. Ч. 3 СПб, 1832 С 66-67, Сумароков П. И. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой СПб, 1852 С. 116
- ⁹ См.: Полевой Н. А. Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб, 1845 С. 55, Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XI М, 1993 С. 140, Любавский М. К. Русская история XVIII в. М., 1913 С 63, Платонов С. Ф. Лекции по русской истории М, 1993 С. 560, Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М, 1957 С. 266, История СССР с древнейших времен до конца XVIII в / Под ред. Б. А. Рыбакова М, 1983 С. 323, Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра // В борьба за власть. Страницы политической истории России XVIII в. М, 1988 С 52, Бу шув С. В. История государства Российского. Историко-библиографические очерки XVII—XVIII вв. М, 1994 С. 373, Волгин И. Л. Метаморфозы власти. Покушения на российский трон в XVIII-XIX вв. М, 1994 С. 29, Щепетов К. П. Немцы - глазами русских. М, 1995 С 91, Павленко Н. И. Страсти у трона М, 1996 С 134
- ¹⁰ См.: Беляев И. Д. Российское общество от кончины Петра Великого до Екатерины II // Библиотека для чтения 1865 № 3 С. 65, Михневич В. О. Женское правление и его противники // Исторический вестник 1882 №2 С 264-265
- ¹¹ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 12, 140, Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 4 С. 312, 327, 3 у т и с Я Я Остзейский вопрос в XVIII в Рига, 1946 С 200, Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 53, 69-70, 281, Гордин Я. А. Власть и гвардия // Знание - сила, 1991 № 12 С. 72, Смирнов Ю. Н. Армия и дворцовые перевороты XVIII в // Общественно-политические движения России XVIII-XIX вв. Самара, 1993 С. 12-13, Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2 М, 1987 С. 82
- ¹² См.: Фирсов Н. Н. Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань, 1887 С. 138-143, Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV М, 1911 С. 131, Анисимов Е. В. Указ. соч С. 56, Вдовина С. И. Дочь Петра // На российском престоле 1725-1796 М, 1993 С 226, Павленко Н. И. Указ. соч. С. 75, Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии Становление русско-французских отношений в XVIII в 1700-1775 М, 1995 С. 38
- ¹³ Сб РИО Т. 92 С. 132, 142, 214-215, 229-231
- ¹⁴ Там же, Т. 91 С. 98-99 (РГАДА, ф. 3, оп. 1, № 9, л. 8)
- ¹⁵ Там же, Т. 92 С. 229-230
- ¹⁶ Там же, Т. 96 С. 518
- ¹⁷ РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 269, ч. 9, л. 154-155
- ¹⁸ Сб РИО, Т. 96 С. 448-449
- ¹⁹ РГВИА, ф. 393, оп. 1, №155, л. 169-179, № 243, л. 109
- ²⁰ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве Т. 3, СПб, 1878 С. 18, 23, 26, 63
- ²¹ ПСЗ-1 Т. 11 № 8516, Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии М, 1974 С. 126-127
- ²² Цит. по: Валишевский К. Царство женщин М, 1989 С. 388-389
- ²³ См.: ПСЗ-1 Т. 11 №8638
- ²⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 106, № 1543, л. 29 и след
- ²⁵ Сб РИО Т. 91 С. 294-295, 331, 337, Т. 96 С 358, 399, 467, 489
- ²⁶ Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 48
- ²⁷ Сенатский архив Т. 5 СПб, 1898 С. 311-312, РГАДА, ф. 3, оп. 1, № 8, л. 10 об, 15
- ²⁸ РГАДА, ф. 3, оп. 1, № 8, л. 23 об -24, 27, Соловьев С. М. Указ. со. Кн. XI С. 49
- ²⁹ РГАДА, ф. 2, оп. 1, № 55, л. 3-10, Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым // Сборник отделения русского языка и словесности Имп Академии наук СПб, 1872 С. 134-160
- ³⁰ См.: Валишевский К. Дочь Петра Великого. М, 1989 С. 30, Записки о России генерала Манштейна 1727-1744 СПб, 1875 С. 228, Долгоруков П. В. Правда о России Париж, 1861 Т 1 С 231
- ³¹ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, №246, л. 43-44 об, ф. 393, оп. 12, № 63, ч. 1, л. 34
- ³² Внутренний быт Российского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г Кн. 1 М, 1880 С 240, 248, Смирнов Ю. Н. Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989 С 21, РГВИА, ф. 393, оп. 12, №114, л 9, №63, ч 1 л 228
- ³³ РГВИА, ф. 393, оп. 12, №98, л. 42, № 214, л. 7, № 62, ч. 1, л. 44, № 63, ч. 1, л. 158 об
- ³⁴ Там же, № 63, ч. 2, л. 25 об, 36, 42, 45, 47 об, 49 об, 50 об, 51, 73 об, 74, 161

- ³⁵ РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 269, ч. 10, л. 659, 664, 667-667 об.; № 781, л. 3 об.; № 785, л. 3 об. -4 об.; № 803, л. 5 об.; № 823, л. 3 об.; № 807, л. 6 об.
- ³⁶ РГВИА, ф. 393, оп. 13, № 1929, л. 1-3.
- ³⁷ Там же, оп. 12, № 63, ч. 2, л. 181 об., 182 об., 208.
- ³⁸ Там же, л. 144; ф. 2584, оп. 1, № 257, л. 27, 62 об.
- ³⁹ Записки о России генерала Манштейна. С. 230; Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России: 1725-1825. М., 1991. С. 251; Архив кн. Воронцова. Кн. 25. М., 1882. С. 41; Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 1. СПб., 1899. С. 234. О Грюнштейне см.: Сб. РИО. Т. 6. С. 392-394; РГАДА, ф. 14, оп. 1, № 47, ч. 1, л. 51-52.
- ⁴⁰ Архив кн. Воронцова. Кн. 25. С. 104-105; Сб. РИО. Т. 96. С. 351.
- ⁴¹ Краткая реляция восшествия ее императорского величества всемилостивейшей государыни Елисавет Петровны на всероссийский отеческий престол // Русская старина. 1872. № 6. С. 1174; Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны // Русский вестник. 1842. № 4. С. 10-11
- ⁴² Валишевский К. Дочь Петра Великого. С. 31; Записки о России генерала Манштейна. С. 230; Со шпагой и факелом. С. 252; Архив кн. Воронцова. Кн. 25. С. 39; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 76; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 64; Вдовина С. И. Указ. соч. С. 228.
- ⁴³ РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 304, л. 23 об. -24 об., 44; Исторические бумаги... С. 261-262; Валишевский К. Дочь Петра Великого. С. 31; Сб. РИО. Т. 96. С. 630-631.
- ⁴⁴ РГВИА, ф. 32, оп. 1, № 32, л. 184.
- ⁴⁵ Там же. ф. 393, оп. 12, № 63, ч. 2, л. 216 об.; ф. 2584, оп. 1, № 257, л. 242 об.; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 64; Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 56; Вдовина С. И. Указ. соч. С. 228.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 177, оп. 2, № 10, л. 167. Сообщение Шетарди о якобы введенных в Петербург 20 рот ландмилиции содержится только в публикации П. П. Пекарского.
- ⁴⁷ См.: Панчулидзе С. А. Указ. соч. С. 234-235; Позье Е. Записки придворного брильянтика. СПб., 1870. С. 87; Сб. РИО. Т. 96. С. 633; Валишевский К. Дочь Петра Великого. С. 33.
- ⁴⁸ Гренадерские унтер-офицеры, участвовавшие в перевороте, получили затем звание сержантов и капралов Лейб-компания (РГВИА, ф. 393, оп. 12, № 63, ч. 1, л. 275-275 об. Ср.: Именные списки е. и. в. Лейб-компания чинам 1741-1759 гг. // Русский архив. 1880. № 2. С. 17).
- ⁴⁹ Превратности судьбы. Воспоминания поляка на русской службе // Русский архив. 1898. № 4. С. 496.
- ⁵⁰ ПСЗ-1. Т. е11. №8473.
- ⁵¹ РГВИА, ф. 393, оп. 12, № 62, ч. 2, л. 243-245 об.; ф. 2584, оп. 1, № 257, л. 245-247 об.
- ⁵² Сенатский архив. Т. 5. С. 301; Сб. РИО. Т. 91. С. 346.
- ⁵³ РГАДА, ф. 16, оп. 1, № 162, л. 1.
- ⁵⁴ Там же, ф. 7, оп. 1, № 269/11, л. 15.
- ⁵⁵ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 80; Сенатский архив. Т. 5. С. 302-303, 317.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 340, оп. 7, № 1197, л. 34 об., 45, 116-116 об.
- ⁵⁷ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 96, 98, 109, 112, 122, 128, 134, 135, 137, 150, 157, 162, 163, 168; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 65, 73-77; РГАДА, ф. 19, оп. 1, № 182, ч. 2, л. 66 об.; ф. 340, оп. 1, ч. 6, № 14241, л. 6-7, 10-11, ф. 1239, № 30606, л. 1.
- ⁵⁸ См.: ПСЗ-1. Т. 11. № 8480, 8481, 8492.
- ⁵⁹ Там же. № 8476.
- ⁶⁰ ПСЗ-1. Т. И. № 8494, 8641, 8690, 8712, 8822; Т. 12. № 9133, 9192, 9197, 9213; Т. 15. № 11472.
- ⁶¹ Курас Г. Сокращенная универсальная история. СПб., 1762. С. 293; Ла Кроц В. де. Краткая универсальная история. СПб., 1761. С. 419.
- ⁶² См.: Оболенский М. А. Материалы для русского индекса *Librogum prohibitorum* // Библиографические записки. 1861. № 7. С. 192-194.
- ⁶³ Цит. по: Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. Т. 2. М., 1859. С. 5-6.
- ⁶⁴ Краткая реляция... С. 1179; Историческое описание... С. 9, 13.
- ⁶⁵ Экспедиция Беринга. М., 1941. С. 366, 368.
- ⁶⁶ См.: Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII в. // История СССР. 1979. № 4. С. 183-185.
- ⁶⁷ Нечаев В. В. Раскольничья контора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 7. М., 1890. С. 16; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 499-500.
- ⁶⁸ См.: Русско-британские торговые отношения в XVIII в. М., 1994. С. 38.
- ⁶⁹ РГАДА, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 1-22 об.; РГВИА, ф. 489, оп. 1, № 7007, л. 1-11; № 7386, л. 1-5 об.
- ⁷⁰ РГАДА, ф. 286, оп. 1, № 262, л. 1-71.

- ⁷¹ См.: Описание высочайших указов и повелений Т 3 С 85, ПСЗ 1 Т. 11, №8490, 8496
- ⁷² Фурсенко В. Дело о Лестоке // Журнал министерства народного просвещения 1912 № 4 С. 192-206, 214, Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII - начала XIX в.) М, 1994 С. 99-107
- ⁷³ См.: Щукинский сборник. Вып. 2 1903 С. 451, Вып. 6, 1907 С. 29, Нащокин В. А. Записки СПб, 1842 С. 68, Маркович Я. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Ч. 2 М, 1859 С 123-124, 126, 130-131
- ⁷⁴ Из материалов для истории и статистики г. Ельца // Русский архив, 1866, С. 354
- ⁷⁵ РГАДА, ф. 9, оп. 5, № 38, ч. 4, л. 165-167
- ⁷⁶ Сб. РИО, Т. 96 С. 616, 649, 680, Т. 91 С. 417, Записки о России генерала Манштейна, С. 233
- ⁷⁷ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 69
- ⁷⁸ Архив кн. Воронцова Т. 29 М, 1883 С. 455
- ⁷⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 141-142, 173-174
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 956, л. 4
- ⁸¹ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 158, Исторические бумаги, С. 333-335
- ⁸² Сб. РИО, Т. 91, С. 365, РГВИА, ф. 2583, оп. 1, № 148, л. 107, 121; Карцов А. П. История лейб-гвардии Семеновского полка, Т. 2, СПб, 1854 С. 72-73
- ⁸³ РГАДА, ф. 19, оп. 1, № 182, ч. II, л. 100
- ⁸⁴ ПСЗ-1, Т. 11 №8674, Т. 12 № 9278, Т. 13 №10032, 10145
- ⁸⁵ РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 924, л. 5 об, № 1029, л. 7-8, 22, 27 об, № 1028, л. 3 об, 8, № 1208, л. 4, №1638, л. 146, 150, ф. 18, оп. 1, №97, л. 2 об
- ⁸⁶ Там же, ф. 7, № 1029, л. 102-102 об, № 1208, л. 117, №1507, л. 15-15 об
- ⁸⁷ Там же, № 944, л. 96, 99 об, 144 об, 189-189 об, 243 об -246 об
- ⁸⁸ Там же, № 1127, л. 7 об, 28 об -29 об, 87-88, 124
- ⁸⁹ См.: Корф М. А. Брауншвейгское семейство, М, 1993 С. 104, 188, Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 189, Jesson H Friedrich de Grosse und Maria Theresia in Augenzeugenbenchten Fribourg, 1965 S. 188-189
- ⁹⁰ Только в 1788 г. к генерал-аншефу Ю. Ю. Броуну явился самозванец, назвавший себя Иваном Ульрихом, содержавшимся в Шлиссельбурге и якобы отпущенным в 1762 г комендантом В Тайной экспедиции быстро установили, что мнимый принц на деле являлся скрывающимся от долгов кременчугским купцом Т. Курдиловым (Лурье С. С. Из истории дворцовых заговоров в России XVIII в // Вопросы истории 1965 № 7 С 217-218)

© 1997 г. **Н. В. ПЕТРОВ***

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ ГЕНЕРАЛ ИВАН СЕРОВ

Первый Председатель КГБ при Совете Министров СССР в 1954-1958 гг. И. А. Серов после своего смещения с должности находился в тени. Его имя выпало из обоймы упоминаемых в советской печати руководителей отраслевых ведомств. И хотя карьера Серова была окончена, он до 1963 г. еще сохранял свои регалии и относительно высокое положение начальника ГРУ. Правда, политического влияния уже не имел и не был избран делегатом на открывшийся в октябре 1961 г. XXII съезд КПСС. В 70-80-е гг. имя Серова практически не встречается в советской исторической литературе, т. к. советские историки предпочитали не касаться скользких тем. Но о нем пишут на Западе. В нашумевшей книге Дж. Баррона "КГБ", вышедшей в 1974 г., он упоминается четырежды. Связывают его имя и с тайными операциями - похищениями и убийствами, проведенными КГБ в 1954-1959 гг. в Германии, а также с делом офицера советского ГРУ О. В. Пеньковского, оказавшегося английским агентом.

Интерес к личности Серова - влиятельного руководителя тайной полиции хрущевской эпохи - заметно возрос в последнее время. Это объяснимо. Только сейчас стали доступнее ранее тщательно оберегаемые архивные материалы МВД и КГБ, расширился круг источников для изучения биографии И. А. Серова и его подлинной роли во многих событиях

* **Петров Никита Васильевич**, заместитель председателя Совета Научно-информационного центра Мемориал